

СОВЕТСКИЕ ФИЛОСОФЫ И РЕЛИГИЯ:
СЛУЧАЙ ИЛЬЕНКОВА
(МАРКСИЗМ КАК ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ
И «БЕЛОЕ ПЯТНО» СМЕРТИ)*

Ю. В. ПУЦАЕВ

В статье анализируются взгляды на религию виднейшего советского философа Э. В. Ильенкова и указывается на некоторые амбивалентные моменты, характеризующие его отношение к религии, например квазирелигиозный характер некоторых его воззрений и философских поступков. Таковыми, например, были его занятия со слепоглухими студентами МГУ и его воззрения на некоторые философско-психологические аспекты воспитания и обучения слепоглухих детей. Ильенковская интерпретация этих аспектов и история обучения слепоглухих студентов в МГУ, с которыми он дружил, получили название “Загорский эксперимент”. Также утверждается принадлежность философии марксизма к направлению философии жизни (понятому предельно широко) и указывается на режим скрытого благоприятствования самоубийству, который содержался в этой атеистической философии. В статье аргументируется, что этот режим скрытого благоприятствования во многом происходил из-за того, что смерть для марксизма и советских философов не является предметом рассмотрения и анализа. Вынесение феномена смерти и связанных с ним аспектов за скобки философии как предмета анализа и размышления являлось причиной в том числе и разного рода жизненных трагедий, как в случае с Ильенковым.

Подлинная духовная жизнь людей сложна в любую историческую эпоху, никогда и нигде не поддается изображению в едином цвете и по единому шаблону. Советский период отечественной истории, духовные и интеллектуальные поиски того времени не являются исключением. Последнее утверждение справедливо и по отношению к советской философии или философии советского времени, к наиболее ярким и творческим ее представителям. Данная статья является началом исследования, посвященного анализу взглядов на религию творческих советских философов и их отношения к религии в широком смысле этих слов, в смысле, например, степени их личной и творческой анти-, квази- или прямой религиозности (последние случаи также известны). Начать мы хотим с рассмотрения этой проблематики в отношении Э. В. Ильенкова (1924–1979), может быть наиболее оригинального *советского философа* (а не просто философа советского времени).

* Текст публикуется с сохранением стилистики автора.

В целом подобный анализ может, во-первых, показать некоторые не совсем явные и при этом весьма неожиданные подтексты и смыслы, которые у персоналий этого круга не вписываются в официально принятый и обязательный тогда атеизм. Не совсем ортодоксальные мысли или оттенки мыслей можно встретить даже у убежденных коммунистических философов вроде Э. В. Ильенкова или М. А. Лифшица. То есть здесь мы сможем, возможно, увидеть некие точки саморазрыва советской марксистской мысли в лице ее наиболее творческих представителей.

В то же время даже философы того времени, в зрелый или поздний период своего творчества в наибольшей степени отошедшие от официальной идеологии и философии марксизма вроде Г. С. Батищева (1932–1990) или М. К. Мамардашвили (1930–1990), все равно оставались во многом людьми своей эпохи. Ее интеллектуальная и духовная культура и атмосфера так или иначе наложили на них свой отпечаток. Так что и их творческой свободе были в каком-то смысле положены свои пределы.

Было бы очень любопытно попытаться проследить, как менялось и эволюционировало отношение к религии и феномену религиозности у некоторых мыслителей советского времени и какие следы в их творчестве эти изменения оставляли, как некоторые из них делались из советских философов уже философами советского времени. Это может послужить важным источником для размышлений о том, как «уходил» Советский Союз, как умирали советская марксистская философия и коммунистическая идеология.

В целом предварительно хочется оговорить, что марксистскую философию в аспекте нашей проблематики полезно и эвристично рассматривать как одну из разновидностей философии жизни предельно антирелигиозного характера. Ведь в чем суть философского ядра марксизма — материалистического понимания истории? В том, что, как говорит Энгельс в самом начале «Происхождения семьи, частной собственности и государства», человек сам воспроизводит себя. То есть и в целом сама жизнь производит себя, и человеческое общество само производит как себя в целом, так и каждого индивида по отдельности. Мы имеем дело с некой онтологической схемой, в которой представлен самовоспроизводящийся круг бытия, очерченный границами строго земного измерения.

С точки зрения марксизма человек производит свое существование, во-первых, посредством производства орудий труда и средств к жизни (пища, одежда, жилища и т. д.). Тем самым он обеспечивает себя и свою жизнь материально. Во-вторых, он воспроизводит себя путем продолжения рода, посредством организованной половой жизни в виде семьи. И труд, и семья, и половая жизнь в марксизме — это два вида производства человеком самого себя. Энгельс пишет:

Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно опять-таки бывает двоякого рода. С одной стороны, производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых

живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи¹.

Производя средства к жизни и продолжая свой род, являясь в марксизме единственным субъектом творения себя, человек (взятый как общество, общественный коллектив с его родовой жизнью) занимает тем самым в отношении себя позицию Бога (временно, впрочем, еще не сознающего свое потенциальное всемогущество). Любое значимое для человека бытие, в том числе даже объекты природы, так или иначе, полностью или нет, но являются продуктами труда или как минимум несут на себе его отпечаток. Даже звездное небо, говорит Ильенков в книге «Диалектическая логика», заинтересовывает собой и воспринимается как объект лишь насколько оно вовлечено в хозяйственную деятельность человека². Даже духовное творчество в марксизме является человеческим производством особого рода. Понимание человеческой деятельности или общественного производства как преимущественного источника собственно человеческого бытия тесно связано с атеистическим и антирелигиозным характером философии марксизма.

Также, в чем философская доктрина марксизма в лице Ильенкова и других советских философов-гуманистов видела цель и смысл человеческого существования? В максимальном развитии всех человеческих сил и способностей. И это максимально возможное «развертывание сил и способностей» обязательно будет иметь место при должной общественной организации, путь к которой обуславливают исторические и социологические законы. Коммунистическое общество как раз призвано обеспечить такое развитие и развертывание сил и способностей. Поэтому в то же время марксизм был одной из форм гуманизма, его радикальным вариантом. И он парадоксальным образом заимствует что-то в искаженном виде из христианских ценностей. Поэтому доктрина марксизма не только антирелигиозна, но одновременно и квазирелигиозна, т. е. религиозна превращенным и извращенным образом.

Два этих момента — антирелигиозность и в то же время извращенная или превращенная религиозность — нашли у Ильенкова свое яркое выражение. Утверждая последнее, мы при этом ни в коем случае не оспариваем общий атеистический и антирелигиозный характер как советской, так и марксистской философии

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 21. С. 25–26.

² «С природой как таковой люди вообще имеют дело лишь в той мере, в какой она так или иначе вовлечена в процесс общественного труда, превращена в материал, в средство, в условие активной человеческой деятельности. Даже звездное небо, в котором человеческий труд реально пока ничего не меняет, становится предметом внимания и созерцания человека там, где оно превращено обществом в средство ориентации во времени и пространстве, в «орудие» жизнедеятельности общественно-человеческого организма, в «орган» его тела, в его естественные часы, компас и календарь. Всеобщие формы, закономерности природного материала действительно проступают, а потому и осознаются именно в той мере, в какой этот материал уже реально превращен в строительный материал «неорганического тела человека», «предметного тела цивилизации», и потому всеобщие формы «вещей в себе» выступают для человека непосредственно как активные формы функционирования его «неорганического тела»» (Ильенков Э. В. Материалистическое понимание мышления как предмета логики // Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991. С. 214).

в целом, но придаем ей, как нам видится, более конкретный вид. Эвристическую ценность данной статьи я вижу в том, чтобы показать в советском марксизме то, что не находится на первом плане и в фокусе внимания, что банально может способствовать, как говорили попперианцы, «росту нашего знания».

Общетеоретическое отношение Ильенкова к религии

Фигура Эвальда Васильевича Ильенкова как мыслителя интересна тем, что он был человек творческий и оригинальный и при этом вот именно что советский философ. Финский исследователь советской философии В. Ойтinen удачно назвал Ильенкова «ортодоксальным еретиком». Ведь хотя Ильенков аутентично толковал мысль Маркса, он именно этим и был неугоден тогдашнему идеологическому официозу, поскольку теория Маркса и советская практика по Марксу сильно противоречили друг другу. Ильенков был своего рода марксистской совестью, лояльной и в чем-то даже гибкой, но все равно неудобной для власти и верхушечной идеологии.

Интересно, что Ильенков происходит из священнического рода. Отец убежденного атеиста и философа-коммуниста, советский писатель и лауреат Сталинской премии Василий Павлович Ильенков родился в семье священника в одном из сел Смоленской области. Он даже окончил сначала четыре класса смоленской духовной семинарии, и лишь потом стал учиться на историко-филологическом факультете Юрьевского университета. По некоторым сведениям, и другой дед Ильенкова тоже был священником.

Революционная энергия отталкивания от «неправильного» прошлого, в том числе и от собственного происхождения, вероятно, сказалась и в том, что, по рассказам, отец философа специально дал сыну имя «Эвальд», которого нет в святцах. Как говорит единомышленник и последователь Ильенкова Л. К. Науменко, отец будущего философа сделал это в память о своем друге революционере, латышском стрелке³.

Как Ильенков трактовал религию и ее сущность? Этому вопросу посвящено немало страниц в его известной книге «Об идолах и идеалах» (1968). Здесь, на наш взгляд, он аутентично, т. е. в ортодоксально марксистском духе, и в то же время достаточно творчески развивает подход Маркса к религии. Ильенков в своей книге словно бы снова исполняет и варьирует мысли Маркса, пользуясь главной для него в этой книге дилеммой, вынесенной в заглавие, — идолы и идеалы.

Традиционно религия для Ильенкова — главное мировоззренческое препятствие на пути совершенствования человека. Вера в Бога с марксистской точки зрения — это идол, который, как пишет Ильенков, являет собой «форму морально-эстетического примирения Человека с самим собой, то есть со своим нынешним, наличным обликом и способом существования, увековечивание в сознании, в фантазии, в поэтизирующем воображении “наличного бытия” Человека»⁴.

³ Науменко Л. К. «Эвальд Ильенков: портрет в интерьере времени». URL: <http://www.alternativy.ru/node/1104> (дата обращения: 21.12.16).

⁴ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. К., 2006. С. 48.

Ильенков тут вполне следует Марксу, для которого религия была апологией земного существования заблуждения: «Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они превратный мир. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистическое *point d'honneur* (фр.: дело чести), его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания <...> борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовной услугой которого является религия»⁵.

В книге об идолах и идеалах Ильенков сначала говорит о взглядах Фейербаха на религию. Он одновременно критикует и отталкивается от них, чтобы выразить и развить собственно марксистское понимание сути религии. Как известно, Фейербах считал, что в форме религии человек почитает свои лучшие качества, свой человеческий идеал. По Фейербаху, религия — это зеркало, в котором показано не вымышленное высшее существо, а сам человек, каким он должен быть. Однако Ильенков, представляющий марксистский взгляд на проблему, принципиально оспаривает мысль, что «“Бог” — лишь псевдоним Идеального Человека, идеально-поэтическая модель Совершенного Человека, Идеал, заданный Человеком самому себе, Высшая Цель человеческого самоусовершенствования...»⁶. Если религия и зеркало, говорит Ильенков, то превратное и обманчивое, ибо как может быть непревратный идеал у превратного мира? В том-то и дело, что небеса религии, как говорит Ильенков, показывают «человеку вовсе не то, каким он “должен быть”, а то, каков он на самом деле есть. Со всеми его плюсами и минусами. Но минусы отражаются в таком зеркале не как минусы, а как плюсы. И наоборот... Она послушно отобразит Человеку его собственное лицо, покажет ему, каков он *есть* на самом деле, но — и здесь ее коварство — заключит отображение в золотой багет почитания и поклонения»⁷.

То есть то, что для религии является «плюсами», положительными качествами, для марксизма минусы, потому что они пытаются увековечить земной превратный античеловеческий мир, смириться с ним. Среди такого рода иллюзорных плюсов, которые на самом деле минусы, Ильенков перечисляет «умерщвление плоти и ее стремлений, отказ от “посюстороннего” счастья, покорность судьбе и власть имущим, молитву и пост». Все это Ильенков называет «самым верным путем к могиле»⁸.

И, наоборот, гордость и бунтарский дух — это в марксизме плюсы человека-революционера, которые религия выдает за минусы. Для марксистов религия обещает лишь иллюзорное счастье на несуществующих Небесах и лишает поэтому возможности бороться за счастье действительное, земное. Поэтому, как говорит Маркс, «упразднение религии как иллюзорного счастья народа есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в*

⁵ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К. Социология. М., 2000. С. 159.

⁶ Ильенков. Об идолах... С. 43.

⁷ Там же. С. 48.

⁸ Там же. С. 47.

иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия»⁹.

Как не раз отмечалось, несмотря на всю уничтожающую и даже уничижительную критику религии у Маркса, в его словах можно увидеть и элементы некоего амбивалентного отношения к ней, когда она характеризуется в чем-то даже положительно. Все-таки она, как говорит он, «вздох угнетенной твари», «сердце бессердечного мира», «дух бездушных порядков». Религия у него — пусть иллюзорное, но утешение. Она и предельное выражение действительного убожества, и в то же время *протест* против этого убожества. Но протест этот робкий, даже вредный, который еще больше увековечивает то, против чего протестует, потому что не дает протестовать, восстать по-настоящему.

Итак, больше всего в религии Ильенков не приемлет то, что она противостоит убежденности в возможности земного совершенства человека. «За Идеал она всегда выдавала “наличное бытие” Человека, или “наличное бытие” Человека выдавала за Идеал, за предел, за верх всякого возможного совершенства, коего Человек не должен и не может преступать»¹⁰. Ильенков же вслед за Фейербахом и Марксом воодушевлялся верой в осуществимость идеала человека именно на Земле.

Во многом прав слепоглохой ученик Ильенкова А. В. Суворов, когда говорит, что «ядро ильенковской философии — не диалектическая логика, не теория воображения, не концепция абстрактного и конкретного, а учение о всесторонней и гармонично развитой личности. Именно Ильенков специально исследовал, как реально осуществима всесторонность, гармоничность, универсальность человеческого, разумного существа»¹¹.

Действительно, похоже, сердцевина того, что двигало и волновало Ильенкова, — это были темы идеального, идеала (общественного и личного), личности — и *представления об осуществимости этого идеала в мире*. А его диалектика и гносеология — это то, как он эти свои представления обосновывал и толковал.

Недаром, например, Ильенков считал, что среди всех наук решающее значение имеют политэкономия социализма и педагогика. Именно от них, от их успехов, по его мнению, зависело будущее социализма в России¹². Политэкономия социализма, с его точки зрения, должна была заниматься конструированием базиса нового общества, а педагогика — возникновением нового человека, новой личности. И от ее успехов, как говорил Ильенков, во многом и зависит, появится такой человек или нет.

Спор марксизма с религией — это спор двух разных вер о том, может ли человек здесь, на Земле, зажить счастливой полноценной жизнью, стать всесторонне, гармонически развитым и совершенным существом. В этом плане религия

⁹ Маркс. К критике гегелевской философии права. С. 160.

¹⁰ Ильенков. Об идолах... С. 53.

¹¹ Суворов А. В. «Об ильенковской философии религии». URL: http://www.vuzlib.ru/articles/9973-%D0%9E%D0%B1_%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B8_%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%B8/1.html (дата обращения: 28.12.16).

¹² По этому вопросу см.: Новохатько А. Об Э. В. Ильенкове // Ильенков Э. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 8.

действительно была главным оппонентом марксизма в споре об осуществимости этого идеала в земной жизни, о котором, например, пишет А. Д. Майданский в статье «История и идеалы»: «...гармоничной личности: умной, доброй, здоровой, трудолюбивой и с тонким чувством прекрасного»¹³. И хотя бы лишь благодаря марксистской уверенности в реальной осуществимости подобной личности можно говорить о превратной религиозности философии марксизма. Ведь эмпирически осуществимость этого идеала показана и доказана быть не может. В истории такого человека (только человека) реально не было, в него можно только верить.

То, что уверенность Ильенкова в осуществимости коммунистического идеала носила религиозный или квазирелигиозный характер, хорошо иллюстрируют слова Михаила Лифшица о том, что беспокойная натура и пламя души Ильенкова определялись «страстным желанием выразить близость земного, нерелигиозного воскресения жизни»¹⁴. Лифшиц не случайно использовал религиозный термин «воскресение». Здесь чувствуется и почти явное противопоставление христианству. То есть речь шла о полном преобразении жизни, но, в противовес христианству, — о воскресении жизни земном и нерелигиозном.

Однако яростная война марксизма с религией сама носила во многом квазирелигиозный характер. В этой войне Ильенков тоже участвовал, и был не только теоретиком, но и публицистом и пропагандистом. Он не просто рассуждал и анализировал, но еще и активно убеждал, опровергал и разоблачал. У него постоянно проскальзывали уничижительные слова вроде «попики» и т. д. Или взять, например, тоже частые у него карикатурные «изображения» того, как верующие понимают своего Бога: как седого белобородого старца, сидящего в небе на облаках. С другой стороны, он никогда не высказывался в адрес христианства в духе кондового советского атеистического агитпропа, уничижительные выражения носили у него все же редкий и фрагментарный характер.

Или взять, например, тему Загорского эксперимента и занятий Ильенкова темой слепоглухоты, ее философско-психологической интерпретацией на марксистский лад. Некоторые зарубежные философы тоже размышляли на тему философских аспектов слепоглухоты, например Э. Кассирер. Но что касается именно Ильенкова, то он не просто анализировал феномен слепоглухоты в аспекте становления личности и воспитания, а еще и непосредственно занимался со слепоглухими молодыми людьми, с той самой «четверкой» ребят, которая окончила психологический факультет МГУ. Он был их другом и наставником, тратил на них много личного времени и сил. Фактически он и некоторые его коллеги марксисты были единственными философами в мире, кто и лично вкладывались в слепоглухих, восприняли это и как дело своей жизни.

Так что исторически и фактически со стороны философии в лице Ильенкова это был не очень продолжительный всплеск живого интереса не просто к теме слепоглухоты, но еще и к слепоглухим людям, в то время как религия и

¹³ Майданский А. Д. История и общественные идеалы // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 128.

¹⁴ Лифшиц М. А. Он был человеком мысли // Эвальд Васильевич Ильенков. М., 2008. С. 36.

христианство занимаются слепоглухими, без преувеличения, столетия. Руководивший этим экспериментом психолог А. И. Мещеряков критически писал, что «исторически сложилось так, что с самого начала своего возникновения попытки воспитания слепоглухонемых были тесно связаны с религией как организационно (дети воспитывались в стенах монастырей), так и по содержанию (церковное воспитание для нужд религиозной пропаганды)¹⁵». Однако, как мы видим, Ильенков кое в чем был на самом деле весьма схож с очень нелюбимыми им «церковниками». Воспитание и занятия с ними Ильенков в пику церковному подходу, видимо, тоже понимал как одну из задач «нерелигиозного воскресения жизни». И в попытке приблизить это «нерелигиозное воскресение» он проявил и черты, близкие к глубокой религиозности, — жертвенность, любовь, служение ближнему и т. д. Только наши отечественные философы-марксисты не только теоретически, но и *лично* занимались слепоглухими детьми.

Амбивалентные моменты отношения Ильенкова к религии

Интересно, что на одном сюжете, тоже связанном с его дружбой со слепоглухими воспитанниками, можно увидеть и некоторые амбивалентные моменты отношения Ильенкова к религии. Конечно, в целом в своей жизни и творчестве Ильенков был весьма последователен и придерживался одной и той же, крайне критической, позиции по отношению к религии. Но однажды, в очень кризисной для своего слепоглохого собеседника ситуации, у Ильенкова в отношении религии проскользнули и иные нотки. А именно в августе 1974 г. Ильенков пишет своего рода письмо-утешение своему молодому другу — слепоглохому Александру Суворову, одному из той самой четверки участников Загорского эксперимента, окончивших психологический факультет МГУ. Это ответ на отчаянное письмо, в котором молодой тогда Суворов жаловался на свою предельно тяжелую инвалидность, одиночество и признавался, что его постоянно преследуют мысли о самоубийстве.

Ильенкову были заданы очень тяжелые вопросы — зачем жить, в чем цель и смысл жизни, если нет надежды, что станет легче, что однажды появится зрение или слух, когда вся жизнь превращается в одно сплошное страдание? Зачем вообще сознавать все это и мучиться и не стоит ли просто прекратить жить, выйти из игры? И он начинает свой ответ с признания, что на заданные Суворовым вопросы «сам Гегель не сумел бы дать окончательного и конкретного ответа» и что сам он тоже не знает, зачем человеку дано сознание, зачем вообще человек вышел из животного состояния и обрел такую способность, которая неотъемлемо связана и со способностью страдать. Но он знает только одно, что «сознание — как факт — величайшее из чудес мироздания (только, пожалуй, кибернетики считают, что им раз плюнуть, чтобы его объяснить)¹⁶».

¹⁵ Мещеряков А. И. Слепоглухонемые дети: Развитие психики в процессе формирования поведения. М., 1974.

¹⁶ Ильенков Э. В. Письмо А. В. Суворову // Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991. С. 447.

И дальше Ильенков начинает вдруг цитировать Библию, книгу «Экклезиаст». Только в ней он смог найти слова утешения для своего слепоглохого молодого и сильно страдающего друга. Интересно также, что сознание за его тесную связь со способностью страдания (страдание существует только в сознании, только как осознаваемое) он в письме называет не только чудом, но еще и крестом, который необходимо нести, вынося напряжение противоречия и не теряя способности к действию (последнее — уже гегелевский мотив). Дальше я позволю себе привести очень большую цитату, но она очень важна:

Сознание — не только чудо из чудес, — это и крест, — гораздо больше мыслителей (и не только мыслителей) всерьез полагают, что без этого «проклятого» дара божьего человек был бы счастливее и что вся боль мира существует, собственно, только в сознании. Недаром ведь, когда вырезают хотя бы аппендикс, стараются на это время сознание погасить. В той же книге, где сказано, что человек не единым хлебом жив, сказано также: «Во многотрудности много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь...» (это из Библии, из главы «Экклезиаст», т. е. по-русски — «проповедник»). С этими же идеями связана и старинная сентенция, что на самоубийство способен только человек (о скорпионах это давно разоблаченная сказка). Не удивляйся, что я тебе цитирую Библию, — это ведь вовсе не поповская книга, каковою ее сделали попы. Это величайшее поэтическое произведение, равное «Илиаде» и «Эдде», и «Экклезиаст» (как звали его на самом деле, никто уже, наверное, не узнает) был очень большим поэтом. Это ему принадлежит определение мира и жизни как «суеты сует и всяческой суеты». Пожалуй, это самый большой пессимист из всех поэтов. Но и очень неглупый. Знаешь ли ты, что его слова: «Кто копает яму, тот упадет в нее» и «Кто разрушает ограду, того ужалит змей»?.. И еще сотни афоризмов, вошедших во все языки и культуры мира? Вот еще образчик (думаю, что и не подозревал, что это все тот же «Экклезиаст»): «Лучше слушать обличения мудрого, чем слушать песни глупых» и «Не будь поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых», «ибо как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов».

Прости, я рискую перепечатать всю поэму...¹⁷.

В итоге Ильенков пишет, что минуты отчаяния проходят и сменяются чем-то другим, поэтому «даже думать о выходе из “игры” не нужно». И тут он опять ссылается на Экклезиаста («Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать»), уверяя собеседника, что настанет и его время плясать.

Для нас тут интересно то, что, оказывается, Ильенков ценил Библию, считал ее «величайшим поэтическим произведением», которое лишь «испортили попы». Выходит, он тоже хотя бы частично, но отзывался на религиозную проповедь, не мог не признать содержащейся в ней мудрости — пусть и под вывеской поэзии. Характерно, что цитировать «Экклезиаста» он начал в пограничной ситуации, когда надо было утешать отчаявшегося молодого человека и когда у Ильенкова не нашлось ни своих мыслей и слов, ни мыслей и слов Маркса, которые могли

¹⁷ Ильенков Э. В. Письмо А. В. Суворову // Ильенков Э. В. Философия и культура. С. 447.

бы помочь в том, чтобы отговорить своего друга от суицидальных настроений. Собственно марксистские аргументы оказались непригодны или нерелевантны в предельно личной пограничной ситуации, когда встал вопрос о допустимости самоубийства.

И дело не только в молчании, которое марксистская философия или этика хранит по этому вопросу, что ей тут по большому счету нечего сказать. Дело обстоит хуже. В определенных ситуациях сам дух и определенные коннотации марксистской философии способствовали в определенных *личных* ситуациях категорически неправильному решению вопроса, допустимо ли самоубийство. Тут положительную роль могла бы сыграть лишь помощь из совсем иных духовных традиций и духовных ресурсов.

Понимание личности в марксизме как стопроцентно социального феномена лишь как «ансамбля общественных отношений» означает толкование «я» только на основе социальных процессов, как производную общественного коллектива. А это позволяет не брать во внимание, в философский фокус феномен индивидуальной смерти. Марксизм просто не «работал» с этим кардинальнейшим событием (или ожиданием этого события), не мог и не хотел иметь с ним дела.

В конечном итоге это имело роковые последствия и для самого Ильенкова. Парадокс затронутой нами темы и истории и состоит в том, что через пять лет сам Ильенков совершит то, от чего он отговаривал своего молодого друга. Известно, кстати, что в одном разговоре Ильенков как-то обмолвился, что индивидуальная смерть не является предметом философии. Очевидно, что, возражая огромной философской традиции думания о смерти, берущей свое начало еще с Платона, Ильенков отстаивал другую позицию, которая была продумана и вытекала из определенных, сознательно принятых им как философом-марксистом предпосылок. Другой вопрос — чем за это в итоге приходится платить.

Коммунизм, коммунистическая этика и самоубийство

Итак, жизнь самого Ильенкова закончилась предельно трагически. Неожиданно он сам совершил то, от чего отговаривал своего молодого друга, — самоубийство. Почему он сделал то, что сам еще совсем недавно категорически отвергал и не принимал в том же письме Суворову? Уговаривая того «даже не думать о выходе из игры»?

Всякий уход из мира, тем более такой трагический, это глубокая тайна. О длительной депрессии (унынии) Ильенкова за много месяцев до смерти осталось много воспоминаний его друзей и современников. Тем не менее мы вправе ставить вопрос, как мысль и философия того или иного мыслителя могут быть связаны и с его жизнью в целом, и с его смертью или уходом из жизни.

Итак, что касается самоубийства, то философия и этика марксизма либо ничего не говорят по этому поводу, либо, напротив, могут даже скрыто ему способствовать. Основное рамочное условие этого страшного скрытого режима благоприятствования — это принципиальное и категоричное неверие в бессмертие души и возможность вечной жизни. Отсюда вытекает чрезвычайно узкий горизонт возможностей того, как вообще можно понимать человеческое призвание

и в чем состоит смысл жизни. Известен поступок одного из соратников Маркса, крупного французского социалиста и теоретика рабочего движения Поля Лафарга и его жены Лауры (одной из дочерей Маркса), которые отравили себя, оставив предсмертное письмо. В нем они говорили, что решили добровольно уйти из жизни, поскольку не могут больше из-за старости вести общественную борьбу и приносить пользу делу коммунизма и социализма. В этой предсмертной записке Лафарг говорил, что, хотя здоров душой и телом, хочет уйти из жизни, пока жестокая старость не отняла духовные и физические силы и не лишила радости жизни. Он также заявлял, что умирает с радостной уверенностью, что дело, которому он посвятил 45 лет своей жизни, восторжествует.

Известно и то, что Ленин, когда стал неизлечимо болен, неоднократно просил яд и говорил, что хотел бы уйти как Лафарги, поскольку тоже стал бесполезен для общего дела.

Показательна мотивация Лафарга и Ленина: ценность человека и человеческой жизни измеряется его способностью и возможностью приносить пользу общему делу, социальной борьбе за лучшее будущее. Материализм, неверие в бессмертие души и в вечную жизнь и *земной общественный идеал* как главная высшая ценность вполне закономерно связаны с подобными представлениями. Если все, в том числе и человеческую личность, измерять мерою социально-политической борьбы и общественной пользы («надо вам лечиться, батенька, казенное имущество надо беречь», — говорил Ленин наркому продовольствия Цурюпе, уговаривая его отдохнуть в санатории), то зачем вообще жить, если человек оказывается неспособен к прежней активной деятельности? Тут сам человек и его личность, его Я или его душа воспринимаются, как это видно из слов Ленина Цурюпе, лишь как нечто преимущественно функционально-утилитарное. Приходится предположить, что и Ленин, и, вероятно, Лафарги были на самом деле очень последовательными людьми, которые имели ужасающую смелость сделать до конца выводы из принятого ими мировоззрения.

Как Ильенков говорил в письме Суворову, «нельзя ни в коем случае поддаваться минутам отчаяния. Я прожил пятьдесят лет и знаю, — они все же проходят, и даже думать о “выходе” из игры не нужно. Пока есть капля силы — надо бороться. За то, что ты считаешь мудрым и человеческим»¹⁸.

Но зная, чем, увы, закончилась жизнь Эвальда Васильевича, можно спросить: а не примеривал ли Ильенков эти слова про себя и на себя, на свою ситуацию? Что и он обязан «выносить напряжение противоречия» между *своим* коммунистическим идеалом и окружающей его действительностью, пока есть силы? Но что же делать, если вдруг у него больше не останется сил «выносить напряжение противоречия»? Где ему черпать их снова, если он будет в состоянии безвыходного, как ему покажется, перенапряжения?

Наверняка предсмертная депрессия Ильенкова была тесно связана с тяжелейшим разочарованием в окружающей советской жизни и с предчувствием скорого конца советского социализма. То есть она носила в огромной степени идейный характер (а не была только следствием травли со стороны идеологиче-

¹⁸ Ильенков. Письмо А. В. Суворову... С. 447.

ского начальства, как часто говорят), была вызвана вопиющим несоответствием между идеалами и действительностью.

О глубине веры Ильенкова в коммунистические идеалы, о том, насколько всерьез он их воспринимал, расскажет эпизод из воспоминаний ученика Ильенкова С. Н. Мареева: «А ведь это до смешного доходило. Прихожу, он “рыдает”. Что случилось? Кто-нибудь умер? — Нет, все живы-здоровы. — Так в чем же дело? Оказывается, Китай напал на Вьетнам. Пограничный конфликт. Даже война. Ну и что? Мало ли таких на свете в наше время? И сколько их было на нашем веку? Но штука-то в том, что, оказывается, от войны не спасает даже принадлежность к одному общественному укладу, к одному “лагерю”, приверженность одним и тем же миролюбивым принципам»¹⁹.

Выдающийся философ-марксист не мог не видеть, вопреки своим отчаянным надеждам, насколько далеки советский строй и социализм от провозглашенного идеала. Отсюда и этот плач глубоко разочарованного философа.

Ильенков и реальный социализм

Коммунизм для Ильенкова был не недостижимым кантовским идеалом-регулятором, а, как он сам формулировал в статье «Идеал» в «Философской энциклопедии», совпадением «действительного движения, уничтожающего наличное состояние» и «представления об итоговом совершенстве человеческого рода». Интересно, что несовпадение коммунистического идеала с советской действительностью, бросающееся в глаза при любом трезвом взгляде, для Ильенкова не было (начало 1960-х, когда была написана эта статья для «Философской энциклопедии») поначалу такой уж непреодолимой проблемой. Дескать, несовпадения возникают всего лишь на эмпирическом уровне, неизбежны как и при любой другой детализации любого другого идеального плана. Отклонение от идеала, как он писал, есть лишь «единственно возможная форма и способ реализации всеобщего идеала, это и есть сам идеал, скорректированный условиями места и времени, характером материала, в котором он осуществляется, особенностями личности индивидуума и т. д.»²⁰.

Ильенков принципиально верил и хотел верить в коммунизм как в нечто вполне осуществимое и реальное. Хочу привести воспоминания другого ученика Ильенкова, философа Г. В. Лобастова, прозвучавшие на «Ильенковских чтениях» в Воронеже в 2005 г. Лобастов рассказывал, что однажды он при разговоре с Ильенковым в сердцах воскликнул:

— Все-таки коммунизм недостижимая вещь!

На что его учитель возразил, как говорил Лобастов, задумчивым и в то же время настороженным тоном:

— Ну почему же?.. Очень даже достижимая и реальная.

Эти воспоминания относятся уже к 1970-м, романтические 1950—1960-е с их надеждами и последним натиском «комиссаров в пыльных шлемах» ушли навсегда, и вопрос о несовпадении идеалов и действительности для верующих

¹⁹ Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. М., 1997. С. 26—27.

²⁰ Ильенков Э. В. Идеал // Ильенков Э. Философия и культура. М., 1991. С. 212.

коммунистов становился все более острым и даже надрывным. Позиция Ильенкова тогда, к концу 1960-х, стала такой, что пока не надо приписывать социализму и советской действительности в плане идеальном больше того, чего они на данный момент заслуживают. Таким приписыванием искажается реальность, то место, на котором тогда Советский Союз находился по расписанию Маркса с точки зрения буквы и духа его учения.

Тогда в политэкономии социализма среди некоторых философов и обществоведов шли споры о природе товарного производства при социализме, о том, чем при нем является товар и возможно ли само понятие социалистической стоимости. Ильенков считал, что советское общество только в силу того, что в нем сохраняется товарное производство, товарно-денежные отношения и разделение труда, несет в себе «родовые пережитки капитализма». Товар — феномен сущностно докоммунистический, имеющий место на стадии социализма потому, что при социализме «коммунизм еще не успел до конца преодолеть *все* остатки и последствия прежних форм разделения или (“объединения”) общественного труда»²¹. Стоимость в марксизме, по Ильенкову, связана не только с частной собственностью, но и с частным характером труда вообще. Частным считается в том числе и труд одного коллектива, поскольку он не связан с трудом другого коллектива. Социализм в принципе тогда как первая фаза коммунизма — это «недозревший коммунизм», который не представляет собой отдельной формации со своей жесткой структурой, а является лишь переходным состоянием от капитализма к коммунизму.

В целом, по Ильенкову, «условием, без которого вообще невозможно (а потому и немислимо) превращение продукта в товар, т. е. в стоимость, является, согласно Марксу, та или иная степень *независимости друг от друга отдельных звеньев общественно-разделенного труда*, отдельных работ... Нет этого условия — нет и товара, нет и стоимости»²². С этой точки зрения труд полностью непосредственно-обобществленный, то есть организованный по-коммунистически, в принципе не может быть разделенным ни в каком отношении и не может поэтому выдавать продукт труда в форме товара или стоимости.

Поэтому, по Ильенкову, товарная форма — это антагонист и конкурент собственно коммунистической организации труда. Когда же его оппоненты в то время говорили (а это была официально общепринятая точка зрения), что «товарное производство имманентно социалистическим производственным отношениям» или что «социалистическое производство в целом представляет собой товарное производство», то для Ильенкова это было свидетельством принципиального расхождения с самим духом, с основами марксизма.

В этом плане очень интересно письмо Ильенкова Ю. А. Жданову (ректору Ростовского университета и сыну того самого Жданова) в 1968 г. Оно показывает, насколько тяжело было Ильенкову, насколько он устал и был подавлен уже тогда, более чем за 10 лет до своей смерти: «И валится всё из рук, и хочется

²¹ Ильенков Э. В. Ответ Я. А. Конроду («Капитал» К. Маркса и проблема стоимости) // Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 423.

²² Там же. С. 421.

махнуть рукой на всю эту философию, несчастную и беспомощную, и заняться чем-нибудь другим...»²³.

Ильенков в этом большом письме пишет, что в нынешнем «всеобщем» (общественной собственности) неразлично спутаны частичное и действительно всеобщее, где частичное выступает под маской всеобщего. «Формализм» (то есть формально-юридическое обобществление), как считает Ильенков, возмнил себя реальностью раньше времени. Из этого письма видна также усталость Ильенкова от агрессивного натиска «частичности, возмнившей себя непосредственной всеобщностью», и от некомпетентного «командования» формального разума тем, что такому «командованию» не поддается. Поэтому он даже высказывает прямо-таки диссидентскую мысль, что правильнее было бы «открыто признать товарно-денежные отношения» и существование рынка в стране: «Существующую ситуацию и надо, наверное, познать методом “раздвоения единого”, — богу богово, кесарю кесарево, то есть совершенно четко определить права формализма, вытекающие из его реальных возможностей, и ясно очертить ту сферу, которая формализму *реально не подвластна*. И пусть она конституируется сама, как знает, ибо стихия тоже содержит в себе свой “разум” — и иногда более разумный, чем формальный. Тогда и формальный разум делается, может быть, несколько более самокритичным и поворотливым — каковым он сам по себе, боюсь, не делается никогда.

Формально обобществить можно ведь с пользой только то, что уже реально для этого созрело. Иначе из этого выйдет только вред и издевательство, только застой»²⁴.

Но с течением времени становилось все яснее, что “формализм” никуда не исчезает и только становится все неповоротливее и неустранимее, что реальное присвоение общественных сил каждым индивидом так же далеко, как и раньше, что формально всеобщее все никак не может стать всеобщим содержательно, и неизвестно, как оно может им стать вообще. На это накладывалось и ощущение безнадежности от состояния дел в философии, от «нынешнего состояния теоретического разума»²⁵. В неотправленном в ЦК КПСС письме Ильенков пишет о своем одиночестве, о том, что на фоне торжествующего «позитивизма» почти никто не понимает необходимости разрабатывать дорогую ему диалектику как логику и теорию познания: «ЕСЛИ ФАКУЛЬТЕТ И ДАЛЕЕ БУДЕТ ФОРМИРОВАТЬ У СТУДЕНТОВ ТАКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА ФИЛОСОФИЮ, ТО МОЖНО СКАЗАТЬ УВЕРЕННО: ЧЕРЕЗ 10–15 ЛЕТ У НАС В СТРАНЕ ВОБЩЕ НЕ ОСТАНЕТСЯ ЛЮДЕЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ФИЛОСОФИЕЙ В ЕЕ МАРКСОВСКО-ЛЕНИНСКОМ ПОНИМАНИИ. УЖЕ СЕЙЧАС ИХ ОЧЕНЬ МАЛО — Розенталь, Ситковский, Кедров да группа “молодежи” от 30 до 45 лет в секторе “диалектического материализма” в Институте философии, которая вся сейчас целиком брошена на “историю диалектики”, — ВОТ И ВСЕ.

²³ Ильенков Э. В. Письмо Ю. А. Жданову // Ильенков Э. В. Личность и творчество. М., 1999. С. 258.

²⁴ Там же. С. 259.

²⁵ Там же.

Через 10–15 лет и ИХ НЕ БУДЕТ. А нового притока НЕТ»²⁶.

Ильенков намертво связал себя и свою философию с советским строем и его идеалами и никогда бы не смог от них отказаться, отречься. Своей трагической гибелью он, по сути, предвосхитил гибель советского коммунизма и крах СССР.

*Коллективное самоубийство человечества
как извращенная форма жертвенности*

Еще в 1950-е гг. Ильенков написал оригинальное и странное сочинение под названием «Космология духа» с подзаголовком «философско-поэтическая фантазмагория, опирающаяся на принципы диалектического материализма». Оно так и не было опубликовано при его жизни. Долгие годы рукопись пролежала в столе и впервые вышла в свет лишь в 1991 г.

Ильенков сначала задается вопросом, что позволит миру уберечься от тепловой смерти Вселенной, которая должна постигнуть его согласно второму закону термодинамики. Он утверждает общий принцип, что поскольку материя существует неуничтожимо, то мир развивается, гибнет и вновь возрождается периодически, как у Гераклита, кругами или циклами, существуя как «вечный круговорот мировой материи». И заново запустит мировой цикл (в гераклитовском смысле), когда все мировые пространства скуют абсолютный холод и энтропия, по Ильенкову, именно человечество — путем собственного коллективного самоубийства (хотя именно это слово в тексте не используется). А именно оно в далеком будущем благодаря грандиозному могуществу науки и техники, которое пока невозможно и представить, создаст неисчерпаемые запасы энергии и подорвет их в итоге, что позволит заново «запустить» очередной цикл существования мира.

Ильенков в этом сочинении также говорит, что мыслящий мозг или человеческое мышление — это высшая, самая высокоорганизованная форма существования материи, венец природы, выше которого ничего или Никого нет. И как раз высшая форма материи посредством своей гибели в «мировом пожаре» снова даст миру существовать, не погибнуть окончательно. «Условия огненного возрождения космических систем оказываются одновременно и условиями, при которых делается уже абсолютно неизбежной гибель мыслящей материи, гибель мыслящего духа <...> Человечество (или другая совокупность мыслящих существ) в какой-то, очень высокой, точке своего развития — в точке, которая достигается тогда, когда материя более или менее обширных космических пространств, внутри которых человечество живет, остывает и близка к состоянию так называемой тепловой смерти, в этой роковой для материи точке — каким-то способом (неизвестным, разумеется, нам, живущим на заре истории человеческого могущества) сознательно способствует тому, чтобы начался обратный, по сравнению с рассеиванием движения, процесс — процесс превращения уми-

²⁶ Ильенков Э. В. О положении с философией [Письмо в ЦК партии] . URL: <http://caute.tk/ilyenkov/texts/epis/ckp.html> (дата обращения: 07.01.17).

рающих, замерзающих миров в огненно-раскаленный ураган рождающейся туманности»²⁷.

Самопожертвование мыслящего духа у Ильенкова совершается во имя долга перед матерью-природой. Когда-то материя породила его, а теперь он отплачивает ей тем же, возвращая ей свою «огненную юность». Согласно этой диалектической круговой схеме (диалектико-материалистической фантазмагории), человек или мыслящий дух снова неизбежно возникнет через миллиарды лет. Поэтому Ильенков бестрепетно отпускает его на космический самоубийственный самоподрыв. У Ильенкова тут сплелись воедино жертвенность и коллективное самоубийство, утверждения о бессмысленности вопроса о цели и смысле человеческого существования с научной точки зрения и все же поиск этого смысла (поиск «объективной роли мыслящей материи в мироздании»), центральная космическая роль человека и его духа и представление о его конечности и неизбежной гибели, метафизическая гордость антропоцентризма (мышление как «высший цвет мироздания» и «высший продукт всеобщего-мирового развития») и смирение пред мирозданием («отдать долг матери-природе»)...

Искаженность с христианской точки зрения этой жертвенности в ильенковской философско-поэтической фантазии связана с тем, что человечество жертвует собой, во-первых, совершая коллективное самоубийство, и, во-вторых, ради природы, нечеловеческого мира. Хотя под природой тут понимается скорее Спинозовская *sive Deus sive natura*. То есть место Бога тут занимает мир в целом.

Поскольку, как он говорит, не только мышление не существует без материи, но и материя не существует без мышления как своего действительного атрибута, то Ильенков здесь все же ищет и утверждает космический, мировой смысл существования человечества. Однако это поиск смысла в глобальном, космическом масштабе для всего человечества в целом, но никак не в личностном, индивидуальном смысле. То есть смерть у Ильенкова все же становится предметом философии, но лишь в родовом, коллективно-историческом масштабе и смысле. Что еще интереснее — провозглашается ее преодоление. Ведь утверждается и человеческое бессмертие, но опять-таки лишь в родовой, коллективной форме и такими странными путями, как сверхграндиозный самоподрыв, новое зарождение жизни и эволюционное ее развитие в новых мировых циклах вплоть до нового возникновения «высшей формы материи».

Есть в этой работе какое-то романтическое, Вагнеровское безумное упоение регулярным самосжиганием человечества в мировых пожарах и периодическим воскресением «мыслящей материи» в новых мировых циклах...

Марксизм как философия жизни

Как мы уже сказали, на наш взгляд, марксизм как философия в смысле глубинных онтологических интуиций, лежащих в его основе, являлся одним из вариантов философии жизни. Только высшей ценностью тут признавалась

²⁷ Ильенков Э. В. Космология духа // Ильенков. Философия и культура. С. 431.

коллективно-историческая жизнь человечества, человеческого общества и воспроизводство этой его жизни.

Вот что опять-таки писал тот же Энгельс в одном из своих знаменитых писем об историческом материализме от 21–22.09.1890 Иозефу Блоху: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является *производство и воспроизводство действительной жизни* (курсив мой. — Ю. П.). Ни я, ни Маркс большого никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм»²⁸.

Здесь мы видим, что важнейший аспект смысла термина «материалистический» в марксизме (помимо независимости от желания и воли самих людей) это производство и материальное обеспечение человеком (общественным человеком, обществом) себя и своей жизни.

То есть в марксизме жизнь общества порождает и обеспечивает саму себя. Это своего рода диалектический круг, который философы-марксисты приглашают принять. Если с этим согласиться, то родовая жизнь человеческого коллектива будет видеться самодостаточной, не нуждаться ни в чем другом для своего объяснения и существования.

В свете этого общего, генерального тезиса любопытно обратиться к одной не очень известной публицистической статье Ильенкова «Адское пламя и огонь мысли», опубликованной в «Московском комсомольце» 14 июня 1968 г. Она представляет собой ответ философа на якобы пришедшее в редакцию письмо некоего священника, отца Георгия, советской газетой не опубликованное. Оно, в свою очередь, является откликом на какие-то предыдущие публикации Ильенкова. Как пишет последний, обращаясь к оставшемуся неизвестным для нас священнику, «вас возмущает мой призыв руководствоваться в жизни научным мышлением, призыв думать над жизнью, размышлять о ней в духе принципов научно-материалистической философии, диалектики. Вот и опять я получил от Вас послание, в котором Вы грозите мне адским пламенем»²⁹.

При пересказе Ильенковым мыслей священника бросается в глаза, что тот (если Ильенков пересказывает его корректно) вряд ли принадлежит к Русской Православной Церкви. Например, когда он якобы говорит, что большинство заведомо обречено и что спасутся лишь очень немногие: «Немногие могут это

²⁸ Энгельс Ф. Письма об историческом материализме // Маркс, Энгельс. Полное собрание... Т. 37. С. 394–395.

²⁹ Ильенков Э. В. Адское пламя и огонь мысли // Московский комсомолец. 1968. 14 июня.

постигнуть, а еще меньше могут идти этой истинной дорогой, выдерживая все выпадающие испытания, ибо Богу нужны только избранные праведники».

Понятно, что оппонент тут подставляется, и Ильенков как опытный полемист стучится в уже открытые ворота, когда говорит о «бесчеловечности и жестокости этой философии — философии “избранного меньшинства”»: «Ведь если выражаться проще, а не выспренным стилем Ветхого Завета, то слова Ваши означают: Я, Георгий, принадлежу к числу избранных, а на большинство рода человеческого мне плевать. Пускай оно горит в огне. А мы, немногие избранные, будем беспечно наслаждаться вечным блаженством»³⁰.

Однако вот что нам важно в этом письме: как Ильенков говорит о смерти, подумать о которой и принять ее во внимание в первую очередь призывает его оппонент. Или как Ильенков, иронизируя, упрекает неведомого отца Георгия в том, что тот старается «запугать адскими наказаниями, пытками, смертью и вечными муками после смерти».

И вот как Ильенков возражает своему газетному визави: «Про свою персональную кончину, про которую Вы призываете меня “не забывать”, я действительно избегаю думать, стараясь находить для думания более интересные сюжеты». Ведь «психически и телесно здоровые люди ни о чем не думают так мало, как о собственной неизбежной кончине и о том, что будет с ними после нее... по той простой причине, что им некогда предаваться этому бесплодному и недостойному живого человека занятию, которое ровно ничего не может изменить в течении жизни. Природа создала наш мозг — орган мышления — как орган решения жизненно важных задач, как орган управления жизненными процессами, и поэтому, пока течет жизнь, мозг мыслит о жизни, а не о смерти. Смерть прекрасно обойдется и без его помощи или, точнее, именно там, где он будет беспомощен ей помешать. Поэтому именно предаваться размышлениям о собственной кончине добровольно и постоянно может только человек, болезненно склонный к самоистязанию...»³¹.

Из этих слов Ильенкова ясно, что предметом, достойным размышления, он признает только жизнь и то, что в нее включено и ей очерчено. Что же касается смерти, то он принципиально выносит ее за скобки как нечто недостойное внимания и просто неинтересное: «Как давно и глубоко верно было сказано, своей собственной смерти мы никогда не переживаем, никогда с нею не встречаемся, ибо пока есть мы — смерти нет, а когда есть смерть — нет уже нас. И это вовсе не игра слов, а точное психологическое наблюдение... Великий Спиноза, кстати, при жизни осужденный церковью на вечные муки, умер, размышляя над увлекшей его книгой. Он перешагнул роковую грань, попросту ее не заметив, не обратив на нее внимания, так же легко и без нравственных мучений, как легко засыпаем ежедневно мы после трудного и интересно прожитого дня...

Так умирает подлинный, умный атеист, безбожник. Верующий же человек испытывает ко всему прочему еще и панический ужас перед адом»³².

³⁰ Ильенков Э. В. Адское пламя и огонь мысли // Московский комсомолец. 1968. 14 июня.

³¹ Там же.

³² Там же.

Увы, но ведь и умные атеисты или безбожники умирали по-разному: иногда трагически, очень нелегко и беспокойно. И опять-таки, увы, личная судьба Ильенкова тому еще одно подтверждение. Недумание о смерти часто оборачивается трагической неготовностью к ней. Сам Ильенков за пять лет до своей гибели убеждал молодого слепоглухого друга ни в коем случае «не выходить из игры». Впрочем, недумание тут не просто отсутствие мыслей о смерти, такое недумание на самом деле продумано и носит сознательный характер. Это именно решимость не принимать во внимание ее как событие и все то, что может быть за ней. Но такая решимость и может диктовать такой выход, который выбрал Ильенков, — от мысли, что там все равно ничего нет и надо как можно быстрее прекратить ненужные мучения. Но, как сказал английский христианский писатель Г. К. Честертон, убийца убивает человека, а самоубийца — человечество. Такой поступок противоречит человечности как таковой, против него восстают все наши первичные этические и эстетические чувства. «Так нельзя!» — тут же что-то кричит внутри нас еще до всякой рефлексии. От этой сплошной черноты отшатываешься, как дети отшатываются от похорон и покойников.

Подчеркнутое философское невнимание к смерти у Ильенкова на самом деле органически связано с тем, как он в русле марксизма понимал личность. Она для него на 100 % социальна, «ансамбль социальных отношений», внутри которого она только и возникает. Он даже собственно термин «социализация личности» считал неудачным. До социализации для Ильенкова и личности никакой нет, а есть лишь «естественно-природное тело новорожденного». Ему, говорит Ильенков, только предстоит еще превратиться в личность в процессе этой социализации.

Таким образом, собственно человеческое берется Ильенковым лишь в аспекте, *sub specie* (лат: «под видом») жизнедеятельности общества как некоего субстанциального процесса, для которого феномен индивидуальной смерти не имеет никакого значения, раз коллективно-общественная жизнедеятельность обеспечивает себе свое воспроизводство. Этим смерть индивидуальная или личная принципиально выносится за скобки как нечто несущественное, становится вечно «белым пятном» для философии марксизма.

Поэтому она и несет в себе неисправимые изъяны и порождает роковые последствия. В аутентичном марксизме смерть в ее экзистенциально-личностном измерении принципиально не является предметом философии, выносится за скобки. Тем самым вольно или невольно, но он подталкивал к *неправильной смерти* и тех своих решительных адептов, которым не везло погибнуть в героической борьбе с внешним врагом, когда их жизнь давала сильный сбой и впадала в тот или иной предсмертный кризис из-за тяжелой болезни, предельной личной усталости или еще чего-нибудь подобного.

В таких пограничных ситуациях, когда становится невозможен переход в другой мир как бы мимоходом, словно во сне, как у Спинозы, марксизм оказывался дезориентирующей философией, которая не предлагала и не могла предложить достойных рецептов по выходу из ситуации, или ее несения, терпения. Предшествовавшее ранее ожидание легкой и мгновенной смерти, нежелание думать о ней иногда оборачивалось, когда до нее действительно доходило дело,

непоправимой трагедией — самоубийством. А оно дезориентирующее и деморализующее действует даже на соратников и единомышленников: ведь самоубийца убивает не только человека, но и в каком-то смысле все человечество в целом, как сказал Г. К. Честертон.

Ключевые слова: Э. В. Ильенков, марксизм, религия, советская философия, философия жизни, жизнь, смерть, самоубийство.

Список литературы

- Ильенков Э. В.* Адское пламя и огонь мысли // Московский комсомолец. 1968. 14 июня.
Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991.
Ильенков Э. В. О положении с философией [Письмо в ЦК партии]. URL: <http://caute.tk/ilyenkov/texts/epis/ckp.html> (дата обращения: 18.12.16).
Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. К., 2006.
Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.
Ильенков Э. В. Личность и творчество. М., 1999.
Майданский А. Д. История и общественные идеалы // Вопросы философии. 2010. № 2.
Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. М., 1997.
Мещеряков А. И. Слепоглухонемые дети: Развитие психики в процессе формирования поведения. М., 1974.
Науменко Л. К. Эвальд Ильенков: Портрет в интерьере времени URL: <http://www.alternativy.ru/node/1104>.
Суворов А. В. Об ильенковской философии религии. URL: http://www.vuzlib.su/articles/9973-%D0%9E%D0%B1_%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B8_%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%B8/1.html (дата обращения: 08.01.17).
Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 21; М., 1965. Т. 37.
Эвальд Васильевич Ильенков. М., 2008.

St Tikhon's University Review.
Series I: Theology, Philosophy,
Religious studies.
2017. Vol. 69. P. 48–68

Y. Putschaev,
PhD in Philosophy,
Institute of Scientific Information on Social Sciences
Krzhizhanovsky str., 15, к. 2
Moscow, 117997 Russia
putschaev@mail.ru

SOVIET PHILOSOPHERS AND RELIGION: CASE OF IL'ENKOV (MARXISM AS PHILOSOPHY OF LIFE AND BLANK SPOT OF DEATH)

Y. PUTSCHAEV

In this article the author analyzes the religious views of prominent Soviet philosopher E. V. Il'enkov and to demonstrates some ambivalent moments in his attitude to

religion, for example, quasi-religious character of some of his ideas and deeds. Those were, for example, his engagement in studies of deaf-blind students in Moscow State University and his views on some philosophical and psychological aspects of education and teaching of deaf-blind children. Il'enkov's interpretation of these aspects and the history of teaching deaf-blind students in MSU were named "Zagorsky experiment". Also it is claimed that Marxism belongs to the philosophy of life and pointed out the latent favorable treatment of suicide in Marxism as atheistic philosophy. The article demonstrates that this latent favorable treatment of suicide was generated mainly because the death was not the subject of reflection and analysis for Marxist philosophers. Putting out of philosophy of life the phenomenon of death and connected aspects is the reason of some tragedies, as in the case of Il'enkov.

Keywords: Je. V. Il'enkov, Marxism, religion, Soviet philosophy, philosophy of life, life, death, suicide.

References

- Il'enkov Je. V. 1968. Adskoe plamja i ogon' mysli [Infernal Flame and Fire of the Thought]. *Moskovskij komsomolec*. June.
- Il'enkov Je. V. 1991. *Filosofija i kul'tura* [Philosophy and Culture]. Moscow.
- Il'enkov Je. V. O polozhenii s filosofiej [Pis'mo v CK partii] (On Situation with Philosophy [Letter to CPSU Central Committee]), available at: <http://caute.tk/ilyenkov/texts/epis/ckp.html>. (18.12.2016)
- Il'enkov Je. V. 2006. *Ob idolah i idealah* [On Idols and Ideals]. Kiev.
- Il'enkov Je. V. 1997. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii* [Dialectics of Abstract and Concrete in the Scientific-Theoretical Thought]. Moscow.
- Il'enkov Je. V. 1999. *Lichnost' i tvorchestvo* [Person and Creative Work]. Moscow.
- Majdanskij A. D. 2010. Istorija i obshhestvennye idealy [History and Social Ideals]. *Voprosy filosofii*, 2, 127-133.
- Mareev S. N. 1997. *Vstrecha s filosofom Je. Il'enkovym* [Meeting with Philosopher E. Il'enkov]. Moscow.
- Meshherjakov A. I. 1974. *Slepogluhonemye deti. Razvitie psihiki v processe formirovanija povedenija* [Deaf, Blind and Mute Children. Psychological Development during the Process of Behavioral Maturing]. Moscow.
- Naumenko L. K. *Jeval'd Il'enkov: portret v inter'ere vremeni* [E. Il'enkov: Portrait in the Interior of the Time], available at: <http://www.alternativy.ru/node/1104>.
- Suvorov A. V. Ob il'enkovskoj filosofii religii [On Il'enkov's Philosophy of Religion], available at: http://www.vuzlib.ru/articles/9973-%D0%9E%D0%B1_%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8_%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%B8/1.html. (08.01.2017)
- Marks K., Jengel's F. 2008. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Moscow, 1961–1965. *Jeval'd Vasil'evich Il'enkov* (E. V. Il'enkov). Moscow.